

Владимир Короленко

Прохор и студенты

Владимир Короленко

Проход и студенты

«Public Domain»

1889

Короленко В. Г.

Прохор и студенты / В. Г. Короленко — «Public Domain», 1889

«Он был жулик. Это слово определяло его профессию, а с годами даже стало чем-то вроде официального „звания“. Его имя было Прошка. Но так как на Выселках, где он жил, существовали и другие Прошки, то иногда выходили недоразумения; поэтому обыватели считали нужным, для большей точности, прибавлять к собственному имени эпитет „жулик“...»

Содержание

I	5
II	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Владимир Галактионович Короленко

Проход и студенты

(Повесть из студенческой жизни 70-х годов)

I

Он был жулик. Это слово определяло его профессию, а с годами даже стало чем-то вроде официального «звания». Его имя было Прошка. Но так как на Выселках, где он жил, существовали и другие Прошки, то иногда выходили недоразумения; поэтому обыватели считали нужным, для большей точности, прибавлять к собственному имени эпитет «жулик».

– Прошка...

– Который?

– Жулик.

Впоследствии эпитет так тесно сросся с именем, что одно без другого не употреблялось. Кабак разнес Прошка-жулик, и дачника оскорбил Прошка-жулик, и Прошка-жулик попал в кутузку, и Прошка-жулик один на четырех огородников выходил, причем одержал победу.

Итак, он был жулик и кулачный боец. Росту среднего, в кости широк, коренаст и неуклюж в высокой степени. Не особенно умное, но не лишенное некоторого добродушного лукавства лицо отличалось резкими особенностями, знаменовавшими обе вышеупомянутые профессии. Прежде всего зрителя поражали его лоснящиеся мясистые скулы, находившиеся как бы в состоянии хронической припухлости. Во-вторых, он никогда не смотрел прямо. Если же случалось, что его маленькие заплывшие глазки исподтишка поднимались на вас и встречались с вашим взглядом, то они тотчас же тревожно мигали, как будто опасаясь удара по физиономии. При этом мясистое плечо Прошки-жулика производило рефлексивное движение, напоминавшее о готовности к отпору.

Ходил он лениво, с развалкой. Никогда, даже во время кулачного боя, он не ускорял движений. Стоя на месте, всегда в самой середине свалки, он только расставлял пошире ноги, укреплялся в устойчивой позе и начинал работать. Он не юлил, не подставлял ног, не уклонялся. Он напрягался, заносил руку, захватывая размахом широкое пространство, и пускал кулак не целясь, рассчитывая на его тяжесть и в полной надежде, что он сам найдет свое место. И кулак попадал.

Прошка-жулик считался почти непобедимым. Правда, его физиономия бывала нередко в крови, а хроническая припухлость щек достигала порой такой степени, что Прошка терял всякое подобие человека. Все это указывало, что временами и он попадал в затруднительное положение. Но это бывало лишь в начале военных действий, когда противники облепляли Прошку со всех сторон, точно рой комаров. В эти минуты он бывал до жалости беззащитен и старался только укрепить позицию. Для этого он предварительно лягался одною ногой и ставил ее на расчищенное место; затем он точно так же пристраивал другую. Тогда наступал критический момент боя. Прошке нужно было расчистить место для размахов руками. И вот одна рука его тяжело взлетала над головами и грузно шлепалась в массу. Туловище Прошки по инерции подавалось в ту же сторону; затем взлетала и шлепалась другая рука, и опять туловище поворачивалось в сторону размаха. Движения становились правильными. Прошка работал. В противных рядах начиналось смятение, а Прошка переходил в наступление. Но и при этом он действовал подобно тяжелой артиллерии. Ступит шага два вправо, пустит кулак и крикнет, как дроворуб, колющий тяжелую плаху. Затем подастся влево и опять крикнет. Одержав решительную победу, Прошка останавливался, обтирая лицо рукавом ситцевой рубахи, и шел к пруду, чтоб

обмыть припухшее и покрытое кровью лицо. Затем он направлялся в «Выселковский трактир», где его сторонники ставили полуштоф.

У Прошки была семья, состоявшая из старика-отца, взрослой сестры и двух малолетков – сестренки и брата. Отец был некогда кровельщик, но в последние годы, вследствие громадного количества в разное время выпитой водки, приобрел вредную привычку падать с пока-тых крыш на землю. Падения эти, правда, по особенной милости судьбы, совершались как-то так счастливо, что старик не терпел при этом серьезных повреждений, на что не без гордости указывал своим заказчикам; тем не менее, последние стали воздерживаться, чтобы не достав-лять старику случая для подобных упражнений. По этой причине у почтенного родителя было много свободного времени, которое он старался по возможности провести в трактире. Но денег у него своих не было; старик поступил всецело на Прошкино иждивение.

Старшая Прошкина сестра была девица очень легкого поведения, а эта профессия, как известно, не развивает семейных добродетелей. «С Дуньки-то старику взятки гладки», – гово-рили соседи.

Прошка один кормил свою семью, то есть отца и малолетков. Последние вырастали на выселковской площади, глядя на отца, на сестру, на брата своими детски-наивными гла-зами. В этих глазах рано засветилась недетская дума. Казалось малолетки обсуждали три пути, какими шли их ближайшие родственники, решая про себя, какой из них представляет наибо-лее удобств.

Нрав у Прошки был беззаботный, и его отношения к семье были отмечены скорее доб-родушием, чем особенною попечительностью. Если ребята иногда по два дня шатались без пищи, зато на третий получали в изобилии пряники. Что же касается, старика, то ему, как он нередко говаривал сам, в пище надобности не предстояло. «По старости лет я, братцы, пищи не потребляю», – говорил он, мигая слезящимися глазами.

По старости лет, он потреблял только водку с весьма ограниченной закуской.

И надо отдать Прошке справедливость: он редко забывал обязанности доброго сына. Бывало, напьется до невозможности, передерется с друзьями и недругами, прокутит на миро-вую последнюю наличность, вместе с разнообразными и постоянно меняющимися кошель-ками, но все же перед уходом вытащит, откуда-то заветный двугривенный: «Наливай посу-динку старичку почтенному... Я должён помнить... Потому – он меня выпитал».

У Прошки было благородное сердце. Кроме того, он, очевидно, был уверен, что воспи-тание, данное ему отцом, заслуживало с его стороны благодарности.

Выселки, где проживал Прошка, находятся под Москвой, в соседстве с одним высшим учебным заведением.

Заведение это, с дорогими выпуклыми стеклами, с «дворцом», с музеями, лаборатори-ями и парком, раскинулось над широким прудом, ближе к Москве. Выселки скромно отодви-нулись на другой берег пруда, спрятавшись среди жидкого ельника.

И именно «отодвинулись»... Добровольно ли? – это вопрос. Достоверное выселковское предание вещает, что нынешние владения ученого учреждения состояли некогда под рукою выселковских обывателей или их ближайших предков, которые составляли тогда большую кре-стьянскую общину и жили «на той стороне». Было это давно. Тогда, говорят, «родитель» не падал еще с крыш, а занимался хлебопашеством на своей собственной ниве. Но в интересах науки дела изменились. Смутное предание говорит о сопротивлении науке со стороны деревни, не желавшей уступить в ее величавом шествии, и о печальных последствиях этого сопротив-ления. Как бы то ни было, когда улеглись эти доисторические туманы, наш рассказ застаёт «Выселки» – последний обломок крестьянского «общества» – скромно приютившимися среди жидкого ельника, за плотиной.

Это был жалкий обломок, какая-то кучка случайных существований. Землей выселковцы не занимались. «Родитель», как уже сказано, был кровельщик, один из домовладельцев порт-

няжил, другой – шил сапоги, большинство отдавали «дачи» под летние помещения или содержали нахлебников-студентов, находясь, таким образом, в зависимости от чужих, «пришлых» людей; некоторые работали на ближней фабрике. Было и несколько темных субъектов – более или менее предосудительных профессий.

Домики, или, по-местному, «дачи», стояли кое-как, врассыпную, вокруг небольшой площади, у пруда. На эту площадку протолкались, оттесняя скромных соседей, три «заведения»: ресторан, кабак, имевший вид трактира, и просто кабак. Нечто вроде длинной улицы, примыкавшей к этой площадке, вмещало в себе еще два кабакообразных заведений.

Площадь почти во всякое время дня и ночи украшалась единственным выселковским «фиакром». Так звали студенты совокупность старой-престарой клячи, еще более древней извозчицкой пролетки и совершенно ветхого возницы – Ивана Парфенова. Иван Парфенов в отдельности имел еще другое название: «Мужичок с ноготок, борода с локоток». Название это дано было старику теми же студентами, склонными к насмешкам, и довольно верно выражало соотношение между различными частями этой своеобразной фигуры. Иван Парфенов, как и родитель Прошки, пищу тоже употреблял в весьма ограниченном количестве, но выпить любил. У него не было доброго сына, а только кляча, но кляча его кормила плохо, отчасти, вероятно, потому, что и он ее недокармливал. Эта кляча с растопыренными ногами и понуро повисшею мордой, ветхая пролетка, покрытая пылью, и сам Иван Парфенов, с длинной бородой и согнутой спиной, жарились на выселковском припеке в вечной готовности доказать желающим свою неспособность к передвижению... Иногда профессорские кареты и щегольские московские пролетки, резво промчавшись по плотине, становились рядом с «фиакром». Тогда горькая выселковская судьбина иллюстрировалась контрастом довольно ярко. Иван Парфенов относился к этому совершенно пассивно.

Что касается Прошки, то он «работал на перекрестке».

От академии ведет к Москве шоссированная дорога. Начинаясь тотчас за последним академическим зданием, она стрелой пробегает между двух стен густой еловой и сосновой рощи. За четверть версты от академии начинались дачи, разбросанные кое-где по сторонам дороги. Еще версты через две выглядывал из веселого березняка последний домик, окна которого светили в темные ночи на обширный пустырь. У ворот этой дачи стояла будка, в коей, по слухам, предполагался ночной сторож, существо в точном значении слова мифическое, так как его никогда никто не видел¹.

Наконец, еще четверть версты – и запоздавший путник достигал так называемого «перекрестка». Дорога расходилась: одна ветвь сворачивала под прямым углом влево, к Москве, что и значилось на тонкой дощечке, прибитой к толстому вертикальному столбу; другая вела вправо, к парку со многими увеселительными заведениями, что опять-таки указывалось перстообразною дощечкой. Третья доска протягивалась назад, к академии. На каждой доске днем можно было прочесть соответствующие надписи, и кто-то к ним прибавил свой комментарий. На столбе ножиком было нацарапано: «Пойдешь налево – кошелек потеряешь, пойдешь направо – оберут, как липку»... Была еще прямая тропинка, пролежавшая торфяным болотом и пустырями мимо небольшой шоколадной фабрики. Узким переулком она выбегала в глухое предместье, так называемые Бутырки.

Поздним вечером или глухою ночью этой тропой рисковали ходить только совсем беспечные люди: загулявший мастеровой, которому море по колена, студент, возвращающийся с затянувшейся в Москве сходимки. Остальные пешеходы предпочитали широкую дорогу, отделенную от пустырей канавами. Дорога эта встречалась затем с длинным опустевшим шоссе, уныло тонувшим в сумрачной дали; слева слышались протяжные свистки ночных поездов, справа доносился глухой рокот столицы, далеким заревом отражавшейся на темном небе.

¹ Рассказ относится к первой половине 70-х годов.

Еще поворот – и счастливый путник вступал в Бутырки, которые, впрочем, пользовались также сомнительною репутацией.

Около половины первого ночи по направлению от Москвы раздавалось шарканье и позванивание бубенцов, скрипение, постукивание и топот лошадей. Это проезжал последний «дилижанс», старый закрытый рыдван или открытая линейка, битком набитая пассажирами из академии. На козлах сидел престарелый кучер с огромной седой бородой во всю грудь. Лошади были древние, и все сооружение напоминало по стилю выселковский «фиакр», только в большом масштабе. Колесница в половине первого продвигалась мимо перекрестка, рассыпая по пустырям дробные звуки бубенцов, и затем утопала в перспективе длинного шоссе меж двумя стенами сосновой рощи. После этого дорога стихала... Только из парка издали доносились звуки оркестра. Там веселье длилось всю ночь... И всю ночь туда и оттуда неслись лихачи, и порой, выписывая мыслете, беспечно тащились пьяные гуляки; шли кучками, обнимались, ссорились, орали песни, отставали, барахтались, подымались, опять падали. Порой мирно засыпали у дороги... Наутро их ждало неприятное пробуждение. Порой из бестолкового пьяного бормотанья выносился вдруг громкий крик: «кар-раул!» Заливалась где-нибудь на даче собака... Потом опять наступала тишина...

В эти места часто наведывался Прошка. В благоприятную погоду, то есть в сумрачные темные вечера, когда на небе стояли тучи, а на земле зги не было видно и огонек последней дачи казался далекой звездочкой в тумане, Прошка направлялся к перекрестку своею ленивою походкой. Он любил это место. Здесь ему было удобно. В придорожных канавах росла мягкая травка, на которой можно было не без приятности провести часы ожидания. Прошка любил помечтать, лежа на спине. Он слушал, как тихо шепчутся черные елки, как бежит по траве ночной ветер, по временам занося в темный пустырь обрывки глухого столичного шума или мягкие переливы ресторанного оркестра.

Если накрапывал дождик, Прошку это не смущало. Он тогда спокойно усаживался под широким зонтом, которым добрые люди накрыли на этот случай придорожный столб с перстообразными дощечками. Да, все здесь было приспособлено для Прошкина удобства. Ему не мешала даже сторожевая будка, смутно маячившая вдали у ворот крайней дачи. Совершенно напротив. Мифический сторож служил в некоторых случаях Прошкиным целям, вводя в заблуждение неопытных путешественников. «Будка! – думал путник, в котором вид пустырей возбуждал нерешительность. – Стало быть, имеется сторож». И неопытный путник с легким сердцем направлялся к перекрестку...

Но, вместо сторожа, к нему из канавки, или из-под столба, или, наконец, увы, из той же будки выходил Прошка неторопливою походкой молодого медведя и произносил:

– Дозвольте, господин, огоньку... закурить цыгарку.

А за ним, из тех же мест, выплывала в сумраке дюжая фигура какого-нибудь более или менее случайного Прошкина знакомого и товарища, с которым его свела темная ночь и общность интересов.

II

С некоторых пор тоскливое раздумье стало все чаще посещать беззаботную Прошкину голову...

Москва – город своеобразный, – это известно всем. Нужно сказать, однако, что это свойство Белокаменной с годами выдыхается: культура проходит и по ней своими нивелирующими влияниями. Конечно, исторические памятники, царь-колокол, царь-пушка, Василий Блаженный остаются на местах, но многие специфические, чисто этнографические особенности Москвы исчезают постепенно и незаметно. Вот, например, в то время, о котором идет речь, еще водились на Москве так называемые «мушкетеры».

Происхождение этого романтического войска, исчезнувшего уже всюду в Европе, объяснялось тем обстоятельством, что в цейхгаузах сохранилось много кремневых мушкетов, давно вышедших из употребления. Чтобы казенное имущество не пропадало напрасно, начальство придумало вооружить ими бутарей при полицейских участках, дав им еще на придачу столь же архаические сабли. Они назывались мушкетерами. Мушкеты у них, конечно, не палили, сабли порой не вынимались из ножен, но все же мушкетеры, стоя на карауле у чижовок, имели вид очень интересный и придавали самой чижовке значительный исторический колорит. Теперь этот специфический вид москвича уже вывелся. Выводится также и настоящий московский бутарь исконного типа. Распушенная фигура, рыжий мундир, кепи с изорванным козырьком, красный нос – таковы были главнейшие внешние признаки этого вида. Любовь к выпивке, пристрастие к хорошей понюшке табаку и чрезвычайная беззаботность относительно внешних событий – таковы были главные особенности его характера. Жил он в будке, днем сидел на тумбе или беседовал в ближайшей харчевне с приятелями. Когда наступала ночь, он уходил в будку и мирно спал, как может спать человек с чистою совестью. Если случалось кому-нибудь обратиться к нему с вопросом, как найти такой-то переулок или дом, он сначала мерял спрашивающего глазами с головы до пяток, и если был в духе, то разъяснял более или менее благодушно:

– Ступай прямо. Дойдешь до Ивана Парамоныча, вороти на Семена Потапыча. Тут за Феклистым вторые ворота.

Если же его заставляли не в духе, то, оглядев вас все-таки с головы до ног, он отворачивался молча или советовал идти своей дорогой, не беспокоя начальства. Свое назначение он видел в том, чтобы существовать именно в известном месте и своею амуницией напоминать обывателю о существовании правительства. До остального ему не было дела.

Вид этот исчезает постепенно вместе с покосившимися заборами и масляными лампами доброго старого времени. И вместе с железными решетками и газовыми (а тем паче электрическими) фонарями все шире и дальше от центров к окраинам Москвы получает распространение вытесняющий его вид полицейского прогрессиста, которому явно принадлежит будущее. Орлиный взгляд, грудь колесом, молодецкая поза (точь в точь фигура с какого-нибудь монумента), шинель без пятнышка, лощеная амуниция – таковы его наружные признаки. Бдительность и строгость – таковы отличительные свойства его души. Он неослабно и неустанно заботится об обывателе. С одной стороны, сознавая себя стражем общественной безопасности, он блюдет, чтобы обыватель не подвергся обиде; с другой – он уже знает или, во всяком случае, подозревает в самом обывателе возможность если не прямо преступных намерений, то преступного настроения...

Старый тип постепенно вымирает. Вы увидите его еще кое-где, в глухих частях или на самых окраинах, у Камер-Коллежского вала, или у Марьиной рощи, вообще всюду, где его тусклая, порыжелая, невзрачная фигура может сливаться с серыми заборами и старыми зданиями, не нарушая общей гармонии. Но зато всюду, где раздаются звонки конно-железных дорог,

где стройно стали ряды чугунных фонарей, где пролегли широкие и порядочные мостовые, – его сменил уже тип новейшей формации.

И вот, в тесной связи с этим процессом, Прошке становилось все грустнее жить на белом свете. Всякий промысел требует приспособления к изменяющимся обстоятельствам, а Прошка не чувствовал себя способным к такому применению. Бывало, когда темной ночью какой-нибудь молодец проходил с ломом (фомкой) или иным орудием своего промысла мимо будки, будочник смотрел на него равнодушным взглядом. Зевнув и понюхавши табачку, он уходил в свою будку и, располагаясь на сон грядущий, сообщал «будочнице»:

– Прошел, слышь, *один* какой-то.

– Ну? – спрашивала будочница.

– Лом у него... Как бы где-нибудь поблизости не вышло качества... Пойтить бы по-настоящему... А?

– Вот еще... была надобность, – зевая, отвечала супруга. – На то сторожа... Слышишь, чай.

Будочник прислушивался. В темноте с разных сторон, на разные голоса стучали трещотки, лаяли собаки. Темнота кипела звуками... Сомнения будочника исчезали. Огонек в окне угасал, и будка становилась явно нейтральным местом по отношению ко всему, что происходило под покровом ночи... Трещотки постепенно тоже стихали... Успокаивались собаки... Ночные промышленники спокойно выходили «на работу»...

С некоторых пор и это изменилось, когда будочник пошел «новый». Теперь – чтобы просто пройти мимо, не привлекая на себя орлиного, испытующего взгляда, нужна особая выдержка. Успех в борьбе за существование покупается не идущей напролом храбростью, а скорее хорошими манерами и модным пальто; не грубой силой, которою в достаточной мере обладал Прошка, а ловкостью рук, сноровкой и приличной внешностью. Прошка был примитивный жулик; он грабил, как грабили на Москве в «допрежние времена»; между тем будущее явно принадлежало тому, кто овладеет культурными приемами и сумеет запасть «протекцией». Одной из таких жертв прогресса становился и Прошка.

Конечно, «прогресс» имеет свои права; но разве не грустно, что он должен сопровождаться таким множеством жертв? Жизнь шаг за шагом, неторопливо, но и неуклонно давала ему чувствовать его непригодность, и, как ни мало был он способен к рефлексам и раздумью, тем не менее, в глубине его души накоплялось неясное, несознанное, тупое чувство меланхолии.

В один прекрасный день к перекрестку, с которым связаны были лучшие воспоминания Прошки, пришли кучкой землекопы. Они скинули с плеч на землю верхнюю одежду и заступы, вынули кисеты с табаком, набили трубки и закурили их, искоса поглядывая на узкую и неудобную дорожку, пролежавшую от перекрестка к Петровскому парку. Покурив, они отмерили в ширину четыре сажени, протянули веревки и принялись копать канавы и ровнять дорогу. Через несколько дней на месте прежней ухабистой и живописно терявшейся меж кустов тропки протянулась широкая мостовая, а еще недели через две она выступала на зеленом фоне белой ровной полоской, утрамбованная щебнем и посыпанная белым песком. Конечно, само по себе это обстоятельство, по-видимому, не имело к судьбе Прошки ближайшего отношения; однако, когда он впервые увидел новую дорогу, его сердце будто ущемило какое-то неприятное чувство. Он долго стоял, задумавшись, у столба, смотрел на дорогу, и ему казалось, что его любимый ландшафт окончательно испорчен. Многие, быть может, находили, что новая дорога красиво выделялась на зелени, точно нарисованная на плане, но в сердце Прошки она пролежала неясным и смутным предчувствием, еще одним лишним напоминанием, что его, Прошку, и его промысел все эти новинки сживают со свету.

Ему стало так тоскливо и неприятно, что на целых два месяца он пропал, и его не видели ни на Выселках, ни на перекрестке. За это время он посетил много мест, приобрел несколько

новых знакомств и даже одного друга в лице отставного служивого, которого многочисленные военные заслуги не спасли от той же мало уважаемой и трудной профессии; но где ни пробовал Прошка удачу, работа все не клеилась, и вообще Прошке все не нравилось. Он затосковал по родным местам; в два месяца неприятное воспоминание о новой дороге улеглось, и он стал чванливо расхваливать «свое место». Наконец в одно воскресенье, вечером, когда в заведении Петровского парка должна была появиться какая-то новая шансонетная дива (Проход был в курсе таких событий музыкального мира) – и, значит, на перекрестке тоже предстояло движение, – Прошка появился на излюбленном месте. Он был не один. С ним был его новый друг, которому он самонадеянно обещал «в своем месте» хорошую работу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.